

УДК 821.161.1.09

**ОБРАЗ РУССКОГО ЛИТЕРАТОРА В ТВОРЧЕСТВЕ
М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА: АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ
И ИСТОРИЧЕСКОЕ НАЧАЛА**

Т. В. Белова

Тверской государственный университет
кафедра истории русской литературы

Статья посвящена образу русского литератора в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина. На материале художественных произведений, переписки писателя, анализа его личных и творческих контактов показывается, как создание Салтыковым героя, близкого ему самому, явилась шагом к созданию образа положительного героя 1880-х гг.

Ключевые слова: *М. Е. Салтыков-Щедрин, герой времени, положительный герой, поиск идеала.*

Своеобразной попыткой создания образа положительного героя в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина является тип *стыдящегося, с встревоженной совестью*, человека. К нему можем отнести Крамольникова из сказки-элегии «Приключение с Крамольниковым», героев притчи «Имярек» из цикла «Мелочи жизни» и рассказа «Чужую беду – руками разведу», примыкающего к циклу «В среде умеренности и аккуратности». Эти образы максимально приближены к субъективному авторскому «Я». Каждый из них ощущает себя в пору *осени*, когда человек пожинает то, что посеял. Подводя итоги жизни, он исповедуется перед своею Совестью, которая, по мнению Салтыкова, является мерилom человеческого в человеке. Очевидно, что появление мотивов *итога, конца жизни* обусловлено фактами биографии писателя. Как известно, в 1880-е гг. обострилась долгая и изнурительная болезнь, приведшая его к смерти. Этим объясняются многочисленные высказывания Салтыкова в письмах этих лет о скором приближении смерти. «Жизнь прошла – в этом нет больше сомнения, – пишет Салтыков А. Н. Энгельгардту. – Тянется что-то такое, чему нет имени, совершенно отрицательное. Сидеть и ничем не пользоваться – не лучше ли во сто крат издохнуть» [9, т. 19–1, с. 48]. Или в письме Белоголовому: «Прощайте, добрейший друг! Пожелайте мне скорейшего расчета с жизнью – вот все, что мне надо» [9, т. 20, с. 373]. Тема смерти напрямую связана и с темой итогов творческой жизни. И Крамольников, и Имярек, и, в какой-то мере, герой-повествователь в рассказе «Чужую беду – руками разведу» являют собой образ русского литератора, размышляющего о своей деятельности, ощущающего безысходность и нереализованность. То, в чем видел, например, Крамольников смысл жизни, тот «внутренний храм», который расточал свет, без которого «человеческое общество уподобилось бы кладбищу» [9, т.16–1, с. 198], рухнул.

Анализируя прожитое, Крамольников переживает то же состояние безысходности, что и сам Салтыков, которого посещают сомнения в плодотворности своей деятельности. «Вижу, как волны забвения все ближе и ближе подступают, – читаем в одном из писем, – и тяжело старому литературному слуге бороться с этим. Негодяи сплотились и образуют несокрушимую силу; честные люди – врозь глядят. Вот с какими убеждениями приходится умирать» [9, т. 20, с. 428].

Образ русского человека с «встревоженной совестью» начинает формироваться еще в 1870-е гг. в частной переписке писателя. Известно, что десятилетие с 1868 по 1877-й гг. – золотое время русской классики; оно оказалось самым плодотворным и для Салтыкова. Однако в эти годы Салтыков, размышляя о судьбе русской литературы и русского писателя, высказывает тревожные мысли о неостребованности, нереализованности русского писателя. В апреле 1869 г. Салтыков писал А. М. Жемчужникову: «На Вас, вероятно, находили минуты бездействия, когда никакой вопрос не приходит на ум, кроме: куда бы пойти или куда бы деваться? Нечто подобное делается ныне в нашей общественной жизни, в нашей публицистике и литературе. Вкус к жизни исчез; смотришь на себя как на постояльца, и не вследствие какой-нибудь борьбы или тревог, а вследствие всеобщей безалаберщины и неустойчивости» [9, т. 18–2, с. 23].

Судьба русского литератора и своя собственная понимается Салтыковым как трагедия. Трагичность же заключается в том, что сама действительность не дает возможности писателю свободно творить, вынуждая приспособливаться. Размышляя о современном состоянии журналистики, Салтыков с прискорбием констатирует отсутствие интереса у читающей публики к прогрессивным исканиям: «Книги совсем не идут; подписка на журналы, вероятно, упадет самым скандальным образом; даже газет не читают, кроме нахального "Нового времени"» [9, т. 18–2, с. 30].

М. Е. Салтыков-Щедрин в литературе видел «фокус, в котором сосредоточиваются высшие стремления общества» [9, т. 9, с. 105], и главной ее задачей признавал «не праздную забаву читателя, а тот внутренний переворот в совести его, который согласен с видами художника» [9, т. 5, с. 13]. Он не приемлет потребительского отношения к литературе читателя, когда «писатель пописывает – читатель почитывает». Салтыков был убежден, что писатель должен «стать в прямые отношения к читателю». Отношение читателя к автору становится одной из важных проблем в творчестве Салтыкова, она привлекала исследователей, в том числе Г. Н. Ищука [3], В. В. Прозорова [8], В. В. Сдобнова [10]. Так, реальный читатель в разных его ипостасях становится героем произведений писателя. Своеобразную типологию читателя Салтыков представляет в цикле «Мелочи жизни» (*читатель-ненавистник, солидный читатель, читатель-простец, читатель-друг*). *Читатель-друг* – это *воображаемый читатель*, к которому обращены мысли и стремления, к кому Салтыков предъявлял высокие требования и с кем в первую очередь связывал свои надежды: «Читатель! Русский читатель! Защити!» [9, т. 12, с. 404].

Все чаще в письмах Салтыков говорит об особом назначении русского писателя – жить интересами своего народа. Салтыков не мыслит себя вне

России. В письме А. М. Жемчужникову от 9 февраля 1870 года Салтыков восклицает: «Право, литератору не лишнее жить среди тех интересов, о которых очень часто болит сердце его как члена известной национальности» [9, т. 18–2, с. 42]. Творчество вне России представлялось всегда ему бессмысленным и ненужным. «Никогда я так не скучал, как ныне, - писал Салтыков Некрасову из Баден-Бадена, – и, откровенно говоря, никогда не осознавал жизнь столь ненужною. Во всяком случае, умирать в Россию уеду» [9, т. 18–2, с. 197]. Для него писательское ремесло – это некий крест, который он должен нести всю свою жизнь. Да и сама жизнь просто не мыслится им без каждодневного труда. В 1876 г. Салтыков пишет Н. А. Некрасову: «Мы до того отождествились с нашей специальностью, литературным трудом, что сделались вне ее почти негодными для существования. В этом отношении наша жизнь может быть названа проклятою. У меня раз бывали порывы выбиться из нее, но я убежден, что как только настала бы минута освобождения, так тотчас же убедился, что мне ничего больше не останется, как слоняться из угла в угол без дела» [9, т. 19–1, с. 26]. О том, что литературный труд был делом всей жизни писателя, свидетельствуют строки из предсмертного письма писателя сыну Константину: «Паче всего люби родную литературу и звание литератора предпочитай всякому другому» [9, т. 20, с. 477].

Вместе с размышлениями о судьбе писателя в письмах Салтыкова возникает тема стыда. Понятия *стыд*, *совесть* становятся для Салтыкова 1870–1880-х гг. одними из самых важных. Этой теме посвящены работы А. П. Ауэра [1, с. 82–95], А. С. Бушмина [2, с. 334–335], В. А. Мыслякова [6, с. 132–139]. Подобно другим современникам-литераторам, Салтыков обеспокоен нравственным разложением, охватившим современное общество. В частности, «Отечественные записки», редактором которых являлся писатель, пытались привлечь внимание читающей публики к проблемам личной нравственности, к вопросу, «как прожить свято?» [5, с. 176–181].

Исследователями было отмечено, что *стыд* понимался Салтыковым как позитивный фактор, способный повлиять на образ жизни человека, изменить его нравственно, сохранить «в человеке человеческое». На пробуждение стыда, совести в будущем поколении, в «маленьком русском дитяти» уповал писатель. «Болеющими сердцем» хотел он видеть и своих собственных детей. «Жалко детей по заграницам таскать, – восклицал Салтыков в письме П. В. Анненкову. – Стыдиться не будут и сердцем болеть. А покуда это еще нужно» [9, т. 19–1, с. 46].

Сам образ *стыда* в 1870-е гг. в творчестве Салтыкова сложен и неоднозначен. В связи с этим в один ряд выстраиваются совершенно различные по своей сути герои: Порфирий Головлев («Господа Головлевы»), Молчалин-отец («Господа Молчалины»), Гаврила Степанович Разумов («Больное место»), герои сказок «Бедный волк» и «Баран непомнящий», Сережа Русланцев («Рождественская сказка»), Коронат («Благонамеренные речи») и др. Нас же интересует не столько сама тема стыда в творчестве художника, сколько преломление ее в создании положительного героя. Таким, как нам кажется, явился образ *стыдящегося* русского литератора, обозначившийся уже в

частной переписке 1870-х гг. и реализованный в художественных произведениях конца 1870 – 1880-х гг.

Так, в октябре 1878 г. в «Отечественных записках» был напечатан рассказ «Похороны». Основная тема рассказа – положение литературы и литераторов в русском обществе. Эта проблема ставилась Салтыковым и раньше, например, в статьях «Напрасные опасения» (1868), «Насущные потребности литературы» (1869). В центре рассказа – судьба русского литератора Пимена Коршунова, который не мыслил себя вне литературы и всю жизнь отдал ей, мечтая о том, чтобы после его смерти на памятнике осталась надпись: «Литература осветила ему жизнь, но она же напоила ядом его сердце» [9, т. 12, с. 428]. Размышляя над мечтой своего героя, Салтыков восклицал: «Да, это надпись хорошая и вполне согласная с истиной, но вопрос в том, будет ли когда-нибудь памятник на его могиле» [9, т. 12, с. 428].

Слова писателя глубоко трагичны, они в значительной мере объясняются жизненными реалиями. У него на глазах умирал Некрасов, да и, как известно, здоровье самого Салтыкова оставляло желать лучшего. Более того, предчувствие скорой смерти соединилось, с одной стороны, с ощущением ненужности, с другой – с чувством вины перед современным читателем, сердце которого он не «жег глаголом». Эта тема более полно раскрыта Салтыковым в «Имяреке» и в «Приключении с Крамольниковым»; в рассказе же «Похороны» появляется несколько иное чувство вины – перед своим же собратом по перу: «Даже историк русской литературы и общественности – и тот не отыщет Пимена, потому что над рабочею массой всегда реет какое-нибудь выдающееся имя. Этому имени и честь, и слава, и поклонение <...>. А Пимену даже поистине мученическая его жизнь ни во что не вменится, потому что об ней нигде не упоминается и она нигде не оставила следов своей крови <...>. Долго ли мы, схоронившие Пимена, будем ощущать, что смерть его оставила после себя пустоту? Долго ли воспоминание об нем будет жить между нами?» [9, т. 12, с. 428].

Эту же скорбь мы находим и в частных письмах писателя. Так, остро переживая смерть Некрасова, Салтыков со стыдом пишет о том, что цензура не позволила печатать главу «Пир на весь мир» из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»: «И вот этот человек, повитый и воспитанный цензурой, задумал умереть под игом ее. Среди почти невыносимых болей написал поэму, которую цензура и не замедлила вырезать из 1-го №. Можете сами представить себе, какое впечатление должен был произвести этот храбрый поступок на умирающего человека <...>. Вот ежели бы был стыд, то этого бы не сделали, хоть ради того, что человек тридцать лет служит литературе и имеет имя» [9, т. 19–1, с. 33].

Так возникает образ писателя-подвижника, итог жизни которого – смерть и забвение. Но вместе с тем Салтыков выражает уверенность в необходимости писательского самоотречения, поскольку его честный труд, преданность ему понимались им как способ сохранения нравственных начал. Не столько талант, сколько самопожертвование импонировало Салтыкову. Возможно, этим объясняется его интерес к творчеству и личностям писателей второго ряда, составлявших основу русской литературы. Известно, что Салтыков обращался за помощью в Комитет Литературного фонда для

нуждающихся литераторов. Размышляя над судьбой рядового писателя Пимена Коршунова, Салтыков приходит к убеждению, что «эти не особенно блестящие труженики были свободные духом и вполне чистые сердцем, в которых литература нуждалась едва ли не больше, нежели в личностях, бьющих в глаза своею блестящей одаренностью. Повторяю: если бы их не было, литература перестала бы существовать» [9, т. 12, с. 406]. Предъявляя высокие моральные требования к личности литератора, Салтыков выдвигал и вопрос о нравственной ответственности писателя как духовного наставника. Писательское дело, как он считал, должно основываться на суде совести: «Вторжение совести в писательское ремесло представляет такой существенный шаг, который совершенно изменяет характер литературной деятельности <...>, составляет несомненное и самое дорогое право современного писателя. Но в то же время она налагает на него и ответственность» [9, т. 16–1, с. 407]. Отсюда и самокритика писателя, которую мы обнаруживаем и в произведениях, и в частной переписке 1880-х гг. В этой связи особое место в творчестве последнего десятилетия занимают образы Крамольникова из «Приключения с Крамольниковым» и героев «Пошехонских рассказов», элегии «Имярек» из «Мелочей жизни».

Эти образы в течение многих лет трактовались неоднозначно. Одни исследователи отождествляли их с личностью автора, другие отрицали автобиографическое значение этих образов. Позиция же А. С. Бушмина по этому вопросу представляется нам наиболее объективной. Ученый считал, что «правы те, кто находит в равной степени верными обе эти трактовки» [2, с. 295]. Поэтому он назвал Крамольникова лирическим героем Салтыкова, «который олицетворяет и характерные особенности русских писателей-демократов второй половины XIX века и некоторые явно автобиографические черты и личные настроения сатирика» [2, с. 296].

Безусловно, в этих образах отразились внутренние искания самого Салтыкова. Так, С. А. Макашин считает, что «физические и моральные страдания писателя, чуть ли не ежедневно звавшего к себе «смерть-избавительницу», внесли в его предсмертную, как тогда думал Салтыков, исповедь и «самокритику» [4, с. 400–403] такие акценты, которые не соответствовали объективной биографической истине, хотя и были в субъективном отношении искренними» [4, с. 403].

Любопытно, что, когда все эти автобиографические герои подводят итоги жизни, перед ними открывается истина: «Он чувствует, что сердце его горит и что он пришел к цели поисков всей жизни, что только теперь его мысль установилась на стезе правды... Он простирает руки, ищет отклика, он жаждет идти, возглашать...». Но эта торжественная нота приобретает трагическое звучание: Имярек сознает, «что сзади у него повис ворох крох и мелочей, а впереди – ничего, кроме одиночества и оброченности...» [9, т. 16–2, с. 324]. Так сформировался образ человека, «мучающегося совестью», сделавшего своё знание «живым источником болей, которые, непрерывно возобновляясь, сделались наконец главным содержанием его жизни» [9, т. 16–1, с. 200]. Этот образ смыкается с образом Дон-Кихота, выехавшего на битву с мельницами ради торжества Правды, осмеянного и непонятого. «И всем по этому поводу весело, все хохочут: и преднамеренные, и бездельники, и дураки

<...>. Одним хохотом Дон-Кихота не проймешь, да и он не удовлетворяет и самого хохочущего. Является потребность проявить себя чем-нибудь более деятельным, напр(имер): наплевать в лицо, повалить на землю и топтать ногами, взять за волосы и бить головой об стену» [9, т. 12, с. 556].

Эти слова героя из рассказа «Чужую беду – руками разведу» перекликаются с салтыковскими раздумьями о трагическом положении современного литератора в его собственных письмах: «Подумайте только, как мало нужны нам люди и как легко выбрасываются за борт молодые силы – Вы найдете, что тут скрывается некоторый своеобразный трагизм <...>. Все понятия как-то изумительно перемешались: ни правды, ни чести – ничего больше не существует, об уме и говорить нечего. Это-то и поразительно, что даже глупая подлость – и та удается, лишь бы была подлость» [9, т. 19–2, с. 30]. Салтыковский Дон-Кихот оказывается не только осмеянным, но сокрушенным сознанием собственного бессилия перед дико хохочущей толпой.

Безусловно, положительный герой позднего Салтыкова во многом близок легендарному герою Сервантеса и прежде всего своим желанием жить *по правде*. Но в связи с именем Дон-Кихота возникает и другая ассоциация – это тургеневский Дон-Кихот. Н. С. Никитина считает, что позднему Салтыкову близки «скепсис и гуманизм тургеневской эстетической концепции, развитой в статье «Гамлет и Дон-Кихот» и получившей многократное воплощение в творчестве писателя [7, с. 55–61]. Как известно, свои представления о типе и судьбе революционного борца Тургенев связывал с образом Дон-Кихота. Н.С. Никитина проводит параллель между тургеневским Дон-Кихотом и салтыковским Крамольниковым из сказки-элегии «Приключение с Крамольниковым», считая, что Щедрин, «воплощая в образе Крамольшкова черты революционно-демократической интеллигенции, ибо этот образ имеет более широкое, нежели только автобиографическое, наполнение, – ориентировал его на тургеневски интерпретированного Дон-Кихота» [7, с. 58]. Соглашаясь с автором работы, мы считаем необходимым добавить, что тургеневскому Дон-Кихоту близки не только Крамольников, но и собственно образ человека, «болеющего душой», верящего в идеалы красоты, добра и справедливости. На этом же строится вера тургеневского Дон-Кихота. «Что выражает собою Дон-Кихот, – писал Тургенев. – Веру прежде всего, веру в нечто вечное, незыблемое, в истину, одним словом, в истину, находящуюся вне отдельного человека, но легко ему дающуюся, требующую служения и жертв, но доступную постоянству служения и силе жертвы. Дон Кихот проникнут весь преданностью к идеалу, для которого он готов подвергаться всевозможным лишениям, жертвовать жизнью; самую жизнь свою он ценит настолько, насколько она может служить средством к воплощению идеала, к водворению истины, справедливости на земле» [11, с. 174]. Несомненное значение Дон-Кихота для Тургенева заключено в том, что он живет для других, способен пожертвовать собою ради торжества справедливости на земле, способен оказывать сопротивление социальному злу, вступать с ним в борьбу. Именно эти качества образа Дон-Кихота и заставили Тургенева в конце 1850-х гг. поднять на щит сервантесовского героя: «Он весь

живет <...> вне себя, для других, для своих братьев, для истребления зла, для противодействия враждебным человечеству силам» [11, с. 176].

Дон-Кихот у Салтыкова – это личность прежде всего трагическая, сила и слабость которой в беспредельном самопожертвовании. Образ русского литератора-подвижника близок самому Салтыкову, чья самоотверженная преданность литературному делу была им доказана многократно. Так, в цикле «Круглый год» (1879) Салтыков признавался: «Я страстно и исключительно предан литературе; нет для меня образа достолюбезнее, достохвальнее, дороже образа, представляемого литературой; я признаю литературу всецело <...>. Я так сжился с представлением, что литература есть то единственное, заповедное убежище, где мысль человеческая имеет всю возможность остаться честно и незапятнанною, что всякое вторжение в эту сферу, всякая тень подозрения, накидываемая на нее, кажутся мне жестокими и ничем не оправдываемым» [9, т. 13, с. 461].

Ощущая себя человеком *сороковых годов*, Салтыков делает своих положительных героев идейно близкими этому человеку. В 1880-е гг. это уже не «лишний человек» в классическом понимании, т. е. исчерпавший свои возможности, а человек из поколения, жившего высокими идеалами, мечтой о «золотом веке», взывавшего к сочувствию к «униженным и оскорбленным». «Я принадлежу к поколению, которое воспитывалось на лоне эстетических преданий и материальной обеспеченности, – говорит герой Салтыкова. – Конечно, и мы не всегда оставались верными чисто эстетическим традициям, но по временам делали набеги в область действительности... нет, впрочем, не туда, а, скорее, в область униженных и оскорбленных» [9, т. 12, с. 557]. За скорбно-ироническими словами героя слышна трагедия самого автора, который к концу жизни все больше и больше чувствовал себя не «шалыганом, ищущим популярности, – как выразился Салтыков в письме к П. В. Анненкову, – а именно человеком сороковых годов в хорошем смысле» [9, т. 19–1, с. 120]. Это трагедия человека, дожившего до «торжества глупости и ничтожества» и не сумевшего реализовать свои мечты.

Таким образом, разработка Салтыковым героя, безусловно близкого автору, явилась шагом к созданию образа положительного героя 1880-х гг.

Список литературы

1. Ауэр, А. П. Проблема совести (стыда) и трагические финалы щедринских сатир [Текст] / А. П. Ауэр // Литература и нравственные проблемы современности. – Саратов : Изд-во СГУ, 1983. – Ч. 2. – С. 82–95.
2. Бушмин, А. С. Сатира Салтыкова-Щедрина [Текст] / А. С. Бушмин. – М., Л. : Наука, 1959. – 644 с.
3. Ишук, Г. Н. Салтыков-Щедрин о читателях сатиры [Текст] / Г. Н. Ишук // Творчество М. Е. Салтыкова-Щедрина в историко-литературном контексте. – Калинин : Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1989. – С. 5–21.
4. Макашин, С. А. Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875–1889. Биография [Текст] / С. А. Макашин. – М. : Худож. литература, 1989. – 575 с.
5. Мысляков, В. А. Салтыков-Щедрин и народническая демократия [Текст] / В. А. Мысляков. – Л. : Наука, 1984. – 262 с.
6. Мысляков, В. А. Тема «стыда» в творчестве Салтыкова-Щедрина [Текст] / В. А. Мысляков // Русская литература. – 1973. – № 3. – С. 132–139.

7. Никитина, Н. С. К вопросу о близости эстетических концепций И. С. Тургенева и М. Е. Салтыкова-Щедрина [Текст] / Н. С. Никитина // И. С. Тургенев: Вопросы биографии и творчества. – Л. : Наука, 1982. – С. 55–65.
8. Прозоров, В. В. Читатель и литературный процесс [Текст] / В. В. Прозоров. – Саратов : Изд-во СГУ, 1975. – 210 с.
9. Салтыков-Щедрин, М. Е. Полное собрание сочинений [Текст] : в 20 т. / М. Е. Салтыков-Щедрин. – М. : Худож. литература, 1965–1977. – Т. 5 : Критика и публицистика. 1856–1864. – 1966. – 711 с.; Т. 9 : Критика и публицистика. 1868–1883. – 1970. – 647 с.; Т. 12 : В среде умеренности и аккуратности. 1874–1877. Культурные люди. 1875–1876. Сборник. 1875–1879. – 1971. – 752 с.; Т. 13: Господа Головлевы. 1875–1880. Убежище Монрепо. 1878 –1879. Круглый год. 1879–1880. – 1972. – 814 с.; Т. 16. Кн. 1 : Сказки. 1869–1886. Пестрые письма. 1884–1886. – 1974. – 525 с.; Т. 16. Кн. 2 : Мелочи жизни. 1886–1887. – 1974. – 387 с.; Т. 18. Кн. 2 : Письма. 1868-1876. – 1976. – 366 с.; Т. 19. Кн. 1: Письма. 1876–1881. – 1976. – 240 с.; Т. 19. Кн. 2 : Письма. 1881–1884. – 1977. – 352 с.; Т. 20 : Письма. 1884–1889. – 1977. – 623 с.
10. Сдобнов, В. В. Салтыков-Щедрин – редактор и демократический читатель 1870-х гг. [Текст] / В. В. Сдобнов // М. Е. Салтыков-Щедрин: проблемы мировоззрения, творчества, языка. – Тверь : Изд-во Тверского гос. ун-та, 1991. – С. 87–96.
11. Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений [Текст] : в 30 т. / И. С. Тургенев. – М. : Наука, 1978–1986. – Т. 8 : Повести и рассказы 1868–1872. – 1981. – 544 с.

THE FIGURE OF A RUSSIAN WRITER IN M. SALTYKOV-SHCHEDRIN'S WORKS: AUTOBIOGRAPHICAL AND HISTORICAL PRINCIPLES

T. V. Belova

Tver State University
The department of Russian Literature

The article is devoted to the image in the works of Russian writer M. Saltykov-Shchedrin. On the material of artistic works, correspondence writer, analysis of his personal and artistic contacts shows how development Saltykov hero close to himself, was a step towards the creation of the image of the hero of the 1880s.

Key words: *M. E. Saltykov-Shchedrin, the hero of the time, a good character, search for an ideal.*

Об авторе:

БЕЛОВА Татьяна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: volktanja@mail.ru